

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры истории и теории социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОЦИОЛОГИИ XX В. ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛАССИКИ

Статья посвящена анализу процессов трансформации, претерпеваемых системами социального неравенства обществ XX в., и соответствующим изменениям в методологических подходах к изучению этих явлений.

Ключевые слова: *неравенство, класс, статус, социальный класс, власть, доминирование, авторитет, собственность, бюрократизация собственности, властвующая элита, средние классы, рабочий класс.*

The paper analyzes the transformation processes of the systems of social inequality in the XX century societies. It also views the changes in sociological theories and their research methods brought about by these transformations.

Key words: *inequality, class, status, social class, power, domination, authority, ownership, bureaucratization of ownership, ruling elite, middle classes, working class.*

Социальное неравенство — одна из центральных проблем социологической теории. Ее понимание и социологическая интерпретация всегда зависели как от реальности исторически конкретного типа общества, организованного в соответствии с той или иной системой социального неравенства, так и от тех теоретических и методологических позиций, на которых основывалась социологическая интерпретация этого неравенства.

Социальное неравенство — это иерархическим образом структурированная система социальных отношений. Оно описывалось в социологии либо как структура и отношения классов, отличающихся рядом специфических признаков, на основе которых она может быть описана и вычленена, либо как структура и отношения статусных групп или страт, каждая из которых также обладает рядом специфических признаков. Отношения между этими классами или статусными группами выстраивались или как отношения доминирования на основе обладания тем или иным типом власти (религиозной, военной, политической, экономической), или как отношения, определяемые системой функционально-профессионального разделения труда, организовывающиеся в соответствующий статусный порядок, аномалии и конфликты в котором возникают только в случае функциональных сбоев в системе.

* Полякова Наталья Львовна, e-mail: theory@socio.msu.ru

Основу такой картины социального неравенства составили марксистский, веберийский и структурно-функционалистский подходы. Следует подчеркнуть, что различие в этих подходах носит не только методологический, но и исторический характер. Между марксистским и веберийским подходом пролегает полвека, а между марксистским и парсонсианским — почти век. К этому следует добавить, что, если К. Маркс и М. Вебер описывают европейские общества становящегося капитализма середины и конца XIX в., то Т. Парсонс выстраивает свою теорию социальной стратификации на основе анализа американского общества первой половины XX в. (1940 г.), претерпевшего уже социальные изменения, обусловленные Второй промышленной революцией.

В марксизме базисным понятием для описания и анализа системы социального неравенства является “класс”. Классы — это объективные субстанциальные образования, принадлежность к которым определяется объективными структурными характеристиками положения входящих в его состав людей.

Классы структурированы в иерархизированную систему социального неравенства. Они укоренены в системе экономического производства и различаются отношением к собственности на средства производства, ролью и местом в системе организации труда, способом получения и размером дохода. Все это и определяет их место в общей системе общественного производства и в иерархизированной системе социального неравенства. Классы в марксизме предстают поэтому как политико-экономические классы. Классовые отношения происходят из производственных отношений или из отношений собственности и контроля, отношения между классами являются антагонистическими отношениями, поскольку суть их составляет отношения эксплуатации, природа которой раскрывается К. Марксом в трудовой теории стоимости.

Экономическая и антагонистическая природа социального неравенства служит средством объяснения динамики социальных отношений в марксизме. Фактически в марксизме предлагается достаточно примитивная и в социологическом смысле бесплодная теория социального неравенства, имеющая к тому же далеко идущие идеологические и политические последствия благодаря объединению экономики и политики.

Иную теорию социального неравенства выстраивает М. Вебер. Прежде всего следует указать, что систему социального неравенства Вебер рассматривает как основу и структуру легитимного социального порядка и распределения власти. Распределение власти и влияния в обществе осуществляется посредством структур “классов”, “статусных групп” и “партий”.

Согласно Веберу, “класс” не представляет собой никакой субстанциональной общности, это просто возможная основа для коллективного действия. О классе можно говорить как об “общей причинной составляющей” жизненных шансов, представленной как экономический интерес в условиях товарного рынка и рынка труда. Класс отражает экономическую ситуацию и экономические шансы людей, а фактор, формирующий класс, — это экономические интересы, имеющие значение в рамках существующего рынка. “Класс” является категорией, описывающей возможное коллективное действие, которое определяется классовой ситуацией (рынком труда, товарным рынком и капиталистическим предприятием) и создает некоторую основу для специфической общности, например для классовой борьбы. Однако в любом случае речь идет не о *внутригрупповом, внутриклассовом* действии, а о действии между классами.

Классам, связанным с собственностью и с рынком, противостоят “статусные группы”, мешающие воплощать чисто рыночный принцип. В противоположность классам “статусные группы” являются общностями или группами, хотя нередко существуют в аморфном виде. “Статусная ситуация”, в отличие от определяемой сугубо экономически и рыночно классовой ситуации, обусловлена “оценкой социального признания”.

“Статусная ситуация” связана с “классовой ситуацией” — собственностью — самыми различными путями. Однако собственность как таковая признается только в качестве одного из определителей статуса и в том случае, если эта связь регулярна и существует в течение продолжительного временного периода. Вебер подчеркивает в связи с этим, что статусное признание (престиж) обязательным образом не связано с классовой ситуацией, напротив, оно часто оказывается в противоречии с притязаниями частной собственности.

Статус выражается прежде всего в поддержании определенного образа жизни, определенных социальных взаимодействий и отношений (не связанных при этом с достижением каких-либо экономических или других “функциональных” целей), а также с брачным поведением — браки заключаются только внутри определенного круга.

Вебер считает, что развитие социальной стратификации осуществляется на основе статусной стратификации и по существу это процесс, основанный на узурпации, которая является источником любого статусного престижа. Однако путь от случайных к узаконенным и признаваемым привилегиям группа проходит по мере того, как определенная стратификация “воплощается” в жизнь легитимным порядком и приобретает устойчивость благодаря стабилизации экономического влияния.

Подводя итог сравнению классового и статусного порядков, Вебер подчеркивает, что рынок и его процессы “не признают личностных особенностей”, здесь преобладают “функциональные” интересы, которые ничего не хотят знать о “престиже”. Статусный же порядок означает прямо противоположное — стратификацию по престижу и образу жизни, в рамках которого экономические достижения означают посягновение на саму основу статусного порядка. Только при равном статусном престиже собственность как таковая дает некоторый перевес своему обладателю.

К сказанному Вебер добавляет еще одно: статусная стратификация стабильна, если относительно стабильна основа добывания и распределения благ. Любые технические перевороты и экономические преобразования и революции ставят под угрозу статусную стратификацию и выдвигают на передний план классовую. Это указание Вебера особенно ярко подтвердили трансформации, которые претерпевали общества в XX в. Что же касается его утверждения о первичности статусной стратификации в системе социального порядка, то его интерпретации этого положения дают основание рассматривать его теорию как первую в общем ряду конструктивистских методологических подходов.

Подход к анализу социального неравенства Вебера получил свое развитие в теории социальной стратификации Т. Парсонса. По мнению Парсонса, социальное неравенство для того, чтобы быть признано легитимным, должно получить моральную санкцию, а также быть признано справедливым. Именно моральная оценка является основанием для социальной стратификации и главным критерием ранжирования.

Парсонс представляет аналитическую теорию социальной стратификации в терминах статуса и классового статуса. Статус любого индивида в системе социальной стратификации общества определяется по шести шкалам — принадлежность к определенной родственной системе отношений, личные качества, личные достижения, собственность, авторитет, власть — и является результирующей всех оценок.

Результирующая шкала стратификации представляет собой, по его мнению, упорядоченную структуру, фундированную в моральном авторитете и интегрированную на основе общепринятых нравственных чувств. Она тем самым является частью институциональной структуры социальной системы. В силу этого анализ социальной стратификации осуществляется в рамках институционального анализа. Парсонс выстраивает свой “аналитический подход к теории социальной стратификации” с опорой на концепцию движения от унаследованного статуса к статусу приобретенному Р. Линтона. Социальная стратификация является поэтому

динамической системой, включающей индивидуальную ориентацию на вертикальное продвижение по системе социального неравенства, и этим выгодно отличается от классического марксистского классового подхода, в котором любое изменение места человека в системе социального неравенства возможно как результат коллективного политического действия экономического класса на основе конфликта или социального переворота.

Классовый статус в системах социальной стратификации в конечном счете определяется, согласно Парсонсу, двумя структурно-функциональными элементами: системой профессионального разделения труда и системой родства. Система профессионального разделения труда определяет тот факт, что классовый статус в значительной мере фиксируется на основании достижений в профессиональной сфере, которая организована в терминах универсалистских критериев эффективности в функционально-социализированных сферах. Система родства проявляет себя в том, что в функционально-специализированных сферах при преобладании идеологии “равенства возможностей” “существует сильный акцент на родственных узлах”. Многие исследования свидетельствуют о том, что в современных обществах структура родства развивается в направлении, обеспечивающем широкую мобильность, которой требует профессиональная сфера, сохраняя при этом семейную солидарность.

Три фундаментальных методологических подхода, каждый из которых предлагал свой ответ на вопрос о природе социального неравенства — марксистский, веберийский и структурно-функционалистский, — определили соответствующие теоретико-эмпирические построения¹ систем социального неравенства, описания процессов оформления и кристаллизации социального статуса или класса в социологической теории XX в. Однако в социологии второй половины XX в. в теоретическом исследовании проблем социального неравенства произошли серьезные изменения, приведшие к оформлению новых методологических подходов.

Эти изменения в сфере теории стали результатом реальных социальных трансформаций, которые претерпели общества XX в. Социальные трансформации, касающиеся структур социального неравенства, как и все прочие процессы, нашли отражение и были концептуализированы в социологической теории. В силу этого анализ реальных исторических процессов фактически совпадает

¹ Под теоретико-эмпирическими построениями имеются в виду социологические теории социального неравенства, являющиеся широкими эмпирическими обобщениями, ставящие своей целью определение критериев и оснований, по которым осуществляется выделение и идентификация различных социальных классов и статусов, а также выстраивается их иерархия. Примерами таких теорий могут служить теории Л. Уорнера, Дж. Голдторпа, Э. Райта и др.

с анализом их теоретических реконструкций. На это обстоятельство и опирается логика построения данной статьи.

Анализ исторических процессов изменения систем социального неравенства позволяет продемонстрировать, как трансформируется и уходит в прошлое марксистская теория неравенства, базирующаяся на концепции экономического класса, а также, как трансформируются веберовский и парсонсовский методологические подходы.

Первый тренд исторической трансформации, приведший к переосмыслению марксистского подхода, может быть обозначен в соответствии с названием широко известной книги А. Горца “Прощай, рабочий класс”. Этот трансформационный тренд, как явствует из названия книги, оказался связанным с изменением роли и значения рабочего класса в истории обществ XX в. Он поставил вопрос относительно адекватности прежде всего марксистского классового подхода к анализу природы социального неравенства. Этот вопрос получил широкое обсуждение в теориях и дискуссиях уже в 60-е гг. XX в. в трудах представителей критической теории, например у Г. Маркузе в его теории о новой роли рабочего класса и утрате им “негативной” позиции; в работах теоретиков позднего индустриального общества, например у Р. Арона, а затем в теориях постиндустриального общества.

Наиболее полное воплощение обсуждение роли и значения рабочего класса в системах социального неравенства обществ XX в. получило в 1970–1980-е гг. в теориях “конца рабочего класса” и “конца трудового общества” у таких ведущих социологов конца XX в., как Р. Дарендорф, К. Оффе, А. Турен, А. Горц, Дж. Риффкин и др.

В рамках этих теорий все предшествующие типы обществ были объединены под общим названием “трудовое общество”. «“Трудовое общество” — это такой порядок, при котором все прочие измерения жизни более или менее непосредственно соотнесены с производительной деятельностью; образование — это подготовка к профессии, свободное время — отдых для возобновления труда, отставка — заслуженная награда за трудовую жизнь»². “Трудовое общество” — это общество, в рамках которого производительный труд является одновременно источником жизнеобеспечения, прочной основой для наделения социальными правами, социальным статусом, а также основой самооценки и условием самоуважения. Однако современность показала устарелость этой практики, и имеет смысл утверждать, что мы уже не живем в “трудовых обществах”. Речь, конечно же, идет не о конце труда в буквальном

² Dahrendorf R. Fragmente eines neuen Liberalismus. Stuttgart, 1987. S. 176.

смысле слова, речь идет о том, что сфера производственной деятельности перестала играть ту определяющую и доминантную для социальных структур и взаимодействий роль, которую она играла ранее. Соответственно тема труда как такового не является более центральной, она не имеет уже того социологического и культурного значения, которое определяет все другие темы. Тема труда остается в экономике, но не в социологии и культуре.

При всей разнице подходов и теоретических установок, существующих у различных исследователей в осмыслении ими “трудового общества” и его “конца”, все они выделяют несколько характерных процессов и явлений. Совокупность этих явлений и составляет концепцию “конца трудового общества”, которая получила наиболее разработанную форму у К. Оффе.

Трудовое общество, как полагает Оффе, в общем и целом совпадает с промышленным обществом, т.е. обществом, основывающимся на примате производственной сферы. Поэтому конец трудового общества означает, что “труд и позиция работающих в процессе производства не рассматриваются более как главный организующий принцип социальных структур; динамика социального развития не рассматривается как возникающая из конфликтов по поводу контроля над промышленным производством; оптимизация технико-организационных отношений или экономических средств и целей посредством индустриальной капиталистической рациональности не рассматривается более как форма рациональности, которая приведет к дальнейшему социальному развитию”³.

Подтверждение тезисам Оффе можно увидеть в реальной социальной действительности, а также в социологических исследованиях. Сфера труда выступает как “конституированная извне”, а индустриальная социология предстает как специальная область прикладного исследования. То, что сфера труда не является более областью, которая полностью определяет общественное сознание и действие, подтверждают также исследования поведения на выборах и политической активности в целом: показатели социально-экономического статуса в меньшей степени определяют это поведение, чем даже принадлежность к той или иной религии или конфессии. Подобно этому в исследованиях социальных и политических конфликтов речь идет уже не о труде и капитале, а об управлении.

Подчеркнем, что именно тезис, в соответствии с которым не сфера труда и производства конституирует общество, а наоборот сама эта сфера труда выступает как “конститулируемая извне”,

³ *Offe C. Disorganized capitalism: contemporary transformation of work and politics. Cambridge; L., 1985. P. 132.*

фактически и означает конец господства “трудовой парадигмы” в подходе к обществу. Отказ от “трудовой парадигмы” был обусловлен рядом фундаментальных изменений, оформление которых и означает трансформацию значения сферы труда и ее роли в оформлении системы социального неравенства.

Речь идет об изменении роли и значения рабочего класса, об определении базового социального конфликта, о проблеме власти и доминирования в этих обществах. Исследования рабочего класса, которые вплоть до 80-х гг. XX в. занимали в социологии видное место, а само исследование социальной структуры общества осуществлялось в рамках классового анализа, в последние 20 лет сузились до предметной сферы промышленной социологии. Однако перед тем как стать сферой отраслевой социологии, проблема рабочего класса и рабочего движения дала “последний бой”. Обсуждалась не только проблема того, что представляет собой рабочий класс и рабочее движение в конце XX в., на обсуждение была поставлена проблема эвристической ценности классового анализа. Обсуждение этой проблемы в 1990-е гг. получило название “Дебаты о классе”. В обсуждении проблемы рабочего класса приняли участие самые известные социологи современности: Д. Белл, Р. Дарендорф, А. Турен, А. Горц, О. Тоффлер, С. Лэш, Дж. Урри и др. Было признано, что классическая теория классовой структуры и теория социального конфликта, созданные в социологии XIX в., не соответствуют эмпирическим реалиям современного общества. Буржуазия и пролетариат не являются более однородными группами, находящимися в прежнем положении и обладающими прежними установками. Буржуазия состоит по меньшей мере из двух во многих отношениях различных групп — собственников и менеджеров. Тот же процесс отмечается и в отношении труда. Однородный по своей квалификации, типу труда, заработной плате, престижу и интересам, пролетариат сошел с исторической арены. А вслед за ним последовал его куда менее обездоленный, но столь же отчужденный преемник — промышленный рабочий. На месте этого рабочего обнаруживается множество профессиональных групп с различным статусом и квалификацией, обладающих различными интересами.

По мнению большинства современных исследователей, рабочий класс — это уже не та категория населения, которая занята определенным типом труда в сфере производства, лишена собственности на средства производства, характеризуется общим социальным интересом, социально-политическими и культурными установками, стереотипами поведения и внутригрупповой солидарностью. Речь идет о множестве более или менее однородных социальных групп, определяемых тем местом, которое они занимают

в системах социальной иерархии и власти, гомогенных в культурном и социальном отношении, занятых схожим типом труда, но раздираемых внутригрупповой конкуренцией и стремлением к вертикальной мобильности.

Явление “разложения” двух антагонистических классов дополняется их “наращиванием” за счет фрагментов “среднего класса”. “Средний класс” — понятие стратификационной теории, обозначающее группы населения, находящиеся между владельцами собственности и высшими управляющими, с одной стороны, и промышленными рабочими — с другой, — распадается на группы, одна из которых примыкает к “высшему”, а другая — к “низшему” классу. Можно провести линию, отделяющую наемных служащих, занимающих позиции в бюрократической иерархии, от наемных служащих вне ее. Бюрократы присоединяются к буржуазии, а остальные представители “беловоротничковых” профессий — к тем, кто ранее считался пролетариатом. Благодаря подобному “наращиванию” оба класса становятся еще более сложными и неоднородными образованиями.

В результате конфликт между классами значительно ослабевает вследствие “нестабильности” современного рабочего класса, проистекающей из характерной для современного общества высокой социальной мобильности. Именно такая мобильность и соответствующие ей ожидания масс являются условием и гарантией социальной стабильности. Мобильность уменьшает сплоченность групп, снижает интенсивность классового конфликта. Вместо выдвижения своих требований в качестве членов каких-то определенных социальных групп люди предпочитают конкурировать друг с другом в качестве отдельных личностей. Высокая социальная мобильность уменьшает сплоченность рабочего класса, превращает его в подвижное образование, у членов которого отсутствует четкая классовая идентичность.

Размывание классовой идентичности и снижение внутриклассовой сплоченности связано еще с одной группой факторов, на которые указывал, создавая свою теорию социальных неравенств, Т. Маршалл. Речь идет о распространении социального равенства и последовательном осуществлении трех типов гражданских прав: юридических, политических и социальных.

Юридическое равенство всех перед законом еще было совместимо с классовым конфликтом, однако равенство политическое — всеобщее избирательное право, право создавать политические партии и ассоциации — привело к тому, что политические конфликты были перенесены из цехов и с улиц в трудовые комиссии и парламенты. А когда юридические и политические права были дополнены социальными правами, процесс выравнивания стату-

сов достиг стадии, на которой он начал оказывать воздействие на классовые различия и противоречия. Социальные права — право на труд, образование, пенсионное, социальное и медицинское страхование и т.д. — привели к снижению радикализации рабочего класса и, как следствие, к уменьшению его внутриклассовой сплоченности.

Прямым следствием указанных трансформаций стало то, что классические формы классовой борьбы и рабочего движения промышленного общества ушли в прошлое. В современном обществе социальный конфликт определяется не столько рамками фундаментального экономического механизма, сколько совокупностью всех социальных, экономических, политических, идеологических, культурных отношений, а рабочий класс уже не представляет собой “класс” в классическом марксистском представлении — как политико-экономическое субстанциальное сообщество.

Еще одним (вторым) фундаментальным процессом, оказавшим непосредственное влияние на трансформацию системы социального неравенства и становление новых видов современного неравенства, стало оформление и развитие социального государства. Социальное государство фактически главной своей функцией имело выравнивание и снятие социального неравенства и конфликта.

Важнейшими элементами практики социального государства стало регулирование экономической жизни в интересах всего общества, регулирование отношений в сфере труда и найма, поддержание социальной справедливости и гражданского равенства, осуществление социальных функций и гарантирование основных гражданских прав, касающихся социального обеспечения, — пенсионного, страхового, создание государственных систем образования и медицинского обслуживания и др.

Вместе с тем результаты его функционирования при этом оказались в социологическом плане неоднозначными. Это выразилось в оформлении мощной государственной бюрократии, как специфической и очень значимой социальной группы, распоряжающейся бюджетными средствами и бюджетной политикой, в появлении множества дотационных групп населения, расширении низшего класса, живущего на государственные дотации и чаще всего не включенного в функционально-трудовую сферу, а главное в оформлении главного бича современных обществ — коррупции. Все эти латентные последствия напрямую затрагивают систему социального неравенства, закладывая в нее множество аномийных процессов и конфликтов, приводящих к нарушению функционалистской модели социального неравенства и в связи с этим ставящих под вопрос соответствующую теоретическую объяснительную схему и методологический подход, а также еще более усиливших

процессы деградации класса как социально-политической и экономической категории.

Третий трансформационный тренд, получивший широкое обсуждение в социологических теориях социального неравенства и социальной структуры обществ XX в., был связан с процессами появления и развития “новых средних классов”. Новые средние классы стали главным явлением в процессах трансформации общей системы социального неравенства. Ссылаясь на исследования Ч.Р. Милза, можно утверждать, что общества XX в. — это общества господствующих в них новых средних классов.

Исследование средних классов началось уже в начале XX в. в австромарксизме, в теории революции инженеров Т. Веблена и его последователей, в теориях менеджериальной революции и менеджериального общества у Дж. Бернхема, Г. Минза и, наконец, в теориях корпоративного общества, прежде всего у Ч.Р. Милза, в теории нового индустриального общества у Дж. Гелбрейта. Логическим продолжением этой линии теоретического развития стала концепция сервисного класса в теориях постиндустриального общества, например, у Д. Белла.

В литературе, посвященной анализу новых средних классов, неизбежно рассматриваются проблемы становления, характера и природы новых элит — еще один процесс, определивший систему социального неравенства в обществах XX в.

Процесс оформления новых элит и новых средних классов в обществах XX в. оказал самое серьезное влияние на изменение и пересмотр прежде всего марксистского подхода к анализу социального неравенства. Это оказалось обусловленным процессами трансформации, которые претерпевали отношения собственности, и оформлением новой значимой системы социальных отношений — организационных отношений в обществах начала XX в. Именно эти два процесса — трансформация отношений собственности и формирование крупномасштабных управленческих иерархий, породивших соответствующие социально-организационные отношения, — оказались определяющими для оформления систем социального неравенства в обществах середины XX в. Они трансформировали все три базисных методологических подхода к исследованию социального неравенства (марксистский, веберианский и структурно-функционалистский) в направлении их некоторой интеграции.

Уже в рамках критики классического марксизма и тезиса К. Маркса относительно процесса прогрессирующего обнищания и поляризации классового неравенства теоретиками II Интернационала было зафиксировано появление массовых средних слоев в обществах начала XX в. А в теориях организованного капитализма

появление “новых средних слоев” было фундировано в фундаментальных процессах трансформации, которые претерпела частная собственность и вся система социальных отношений в обществах начала XX в.

Понятие “организованный капитализм” было разработано и введено в широкий научный оборот Р. Гильфердингом в его работе “Трудовое сообщество классов?”, в которой он, опираясь на это понятие, дал всесторонний анализ основных тенденций экономического, социального и политического развития Европы начала XX в. По его мнению, наблюдения уже за первыми десятилетиями XX в. в области экономической жизни позволяют заявить, что эпоха свободной конкуренции приблизилась к концу. Крупные монополии приобретают господствующее положение в хозяйстве, и их связь с теми банками, в которых концентрируется общественный капитал, становится все более тесной. Прежде разорванные формы промышленного, торгового и банковского капитала стремятся к объединению в форме финансового капитала, и этот капитал становится на службу экономике. Финансовый капитал — господство в монополистически организованной промышленности малого числа крупных банков — содержит предпосылки к преобразованию анархистско-капиталистического хозяйственного порядка в порядок организованно-капиталистический. Трансформируется и роль государства в хозяйственной жизни. Небывалое усиление его мощи, которая порождается финансовым капиталом и его политикой, действует в направлении созидания и поддержания организованно-капиталистического порядка.

Наряду с экономической налицо трансформация всей системы социальных отношений. Социальная структура общества предстает как имеющая на вершине социальной иерархии “объединенные силы капиталистической монополии и государства”, а под ними — трудящиеся массы, иерархически упорядоченные как служащие производства в систему средних слоев. Налицо преобразование капиталистического общества в общество организованного капитализма, значительно лучше приспособленное к удовлетворению непосредственных материальных потребностей различных классов и разрешению основных социальных конфликтов. “Организованность” становится отличительной чертой, например, рабочего движения, и это позволяет ему противодействовать процессу обнищания и бороться за расширение своих политических и социальных прав, повышение заработной платы. Таким образом, происходит смягчение, а не обострение внутренних противоречий капитализма, смягчение социального неравенства и конфликта.

Средние классы, или средние слои, и их место в системе социального неравенства стали одним из важнейших объектов социологи-

ческого интереса и основным компонентом социальной структуры и в теориях менеджериальной революции, менеджериального общества, и в теориях корпоративного общества.

Эти теории самым серьезным образом трансформировали дискурс и анализ проблем социального неравенства. Теоретическую основу этих теорий составил анализ, во-первых, трансформации частной собственности и появления акционерного типа собственности, а во-вторых, анализ становления и оформления организационных и управленческих отношений в качестве фундаментальной основы социального порядка, неравенства и доминирования.

Появление массовых управленческих статусов и групп — от высших управленцев и менеджеров до мелких клерков — означало появление совершенно новой системы социального неравенства, природа которого значительно более сложная, нежели классовое неравенство обществ XIX в.

Природа нового типа социального неравенства обусловлена прежде всего тем, что частная собственность претерпевает вследствие возникновения и широкого распространения акционерных обществ самые серьезные изменения. Именно акционерная собственность и ее функционирование демонстрируют отделение капитала как функции от капитала как собственности, отделение управления производством от собственности на него. Функции управления и контроля над производством сосредоточиваются в руках наемных управляющих, образующих отдельную социальную группу, роль которой в обществе становится все более и более весомой. Именно в руки этой социальной группы переходит, как утверждает, экономическая и социальная власть и контроль. Соответственно в рамках теорий менеджериального общества предлагается отказаться от понятия собственности как эвристически значимого социологического понятия и заменить его понятием *контроля*.

В своей книге “Власть без собственности”⁴ один из теоретиков менеджериализма А. Берль пишет, что, по его мнению, разделение владения и контроля не имеет смысла. Контроль и есть владение. Если нет контроля, то нет и владения. Понятие “право собственности” является только итогом, результатом, выражением контроля над средствами производства. Производство же в обществах середины XX в. характеризуется “властью без собственности”. Теоретическое расчленение функций владения и контроля должно быть заменено “чем-то более глубоким”. В реальности налицо исчезновение присвоения на основе владения и замещение его “субстан-

⁴ Berle A. Power without property. L., 1960.

циальными системами власти”. Собственность, таким образом, предстает как частный случай власти.

Обратим внимание на то, что вычленение “субстанциальных систем власти” в качестве чего-то более фундаментального, чем собственность, явилось очень серьезным нововведением социологического анализа. Это “нововведение” положило начало существенным трансформациям в методологических подходах в теории неравенства. От “отсутствующей собственности”, например, у Т. Веблена был сделан шаг и поставлена проблема “власти”, имеющей более субстанциальный характер, чем собственность.

Что же в обществах XX в. представляют собой “субстанциальные системы власти”? Ответ на этот вопрос предложил Дж. Бернхэм в своей работе “Менеджеральная революция” (1948 г.)⁵, которая на два десятка лет стала научным бестселлером. По мнению Бернхэма, капиталистическое общество в начале XX в. претерпевает очень серьезную трансформацию. Собственники, капиталисты утрачивают контроль над экономикой и обществом в целом. Власть переходит в руки организаторов, управляющих и инженеров. В обществе возникает новый господствующий класс — администраторы, или менеджеры. Формирование и приход к власти этого класса, представляющего собою союз трех групп — менеджеров, бюрократов и технократов, — означает переход от капиталистического общества к *менеджеральному обществу*.

Менеджеральный класс, как и общество в целом, более не являются, как считает Бернхэм, капиталистическими. Это связано с тем, что, во-первых, менеджеральный класс не “владеет” собственностью, а только “управляет” ею. Во-вторых, он руководствуется в своей деятельности не только стремлением к прибыли, но и социально значимыми целями. В-третьих, в менеджеральном обществе уже невозможна частная эксплуатация. Частная капиталистическая эксплуатация эпохи либерального капитализма заменяется в рамках менеджерального общества другими видами эксплуатации — корпорационной, т.е. осуществляемой корпорациями; организационной, т.е. осуществляемой крупными организациями; государственной, т.е. осуществляемой государством. И, в-четвертых, менеджеральное общество является высокоорганизованным обществом, в рамках которого свободный рынок и конкуренция ограничены бюрократическими методами управления экономикой и даже планированием. Более того, по свидетельству Бернхэма, в менеджеральном обществе “налицо государственная монополия на многие важнейшие предприятия”.

⁵ Burnham J. The managerial revolution. L., 1948.

Теорию менеджериального общества в области проблемы социального неравенства можно свести к следующим положениям. Во-первых, в соответствии с этой теорией “собственность”, “капиталист”, “капиталистические общественные отношения” перестали быть определяющими в экономической и социальной жизни. Появление акционерных компаний или корпораций означает разрыв в единстве собственности, наблюдаемом в классическом капитализме. Владение становится рассеянным, распределенным между множеством держателей акций, которые не имеют реального контроля за деятельностью предприятия. Такой контроль становится прерогативой менеджеров, у которых отсутствует право владения компанией. Капиталист потеснен фигурой менеджера.

Классический капитализм уступает место менеджериальному обществу, осуществляется отказ от понятия собственности и замена его понятием контроля. Контроль над средствами производства является не чем иным, как специфическим случаем власти. Связь контроля с юридическим правом собственности — случайное явление, характеризующее лишь процесс индустриализации Европы и США. Современные же отношения характеризуются “властью без собственности”. Налицо исчезновение присвоения на основе владения и замещение его субстанциональными системами власти.

Во-вторых, утверждается, что растворение собственности ведет к совершенно определенным последствиям для классовой структуры общества: жесткая система классов уступает место более подвижной системе социальной стратификации и статусов, укорененной в корпоративной структуре власти.

В-третьих, появление управленческой страты ломает традиционную связь между собственностью и системами доминирования и власти. Некоторые версии теории менеджериального общества утверждают, что власть переходит к тем, кто обладает специальным или техническим знанием; другие — что власть находится в руках бюрократии — управленческой элиты; третьи — что власть распределена в плюралистической политической системе, в которой экономическая власть уже более не является доминирующей, но используется для социально важных целей.

Теория менеджериального общества и разработанная в ней концепция социального неравенства была подвергнута резкой критике в работах одного из крупнейших американских социологов середины XX в. Ч.Р. Миллза. Две его знаменитые работы “Белый воротничок: американские средние классы” (1951)⁶ и “Властвующая элита” (1957)⁷ непосредственно посвящены анализу проблем

⁶ *Mills C.W.* White collar. N.Y., 1951.

⁷ *Миллз Ч.Р.* Властвующая элита. М., 1959.

социального неравенства, его природы в обществах XX в. и построению соответствующей социологической теории социального неравенства.

Миллз вслед за создателями концепции менеджериального общества признает тот факт, что по мере того как укрупнялся бизнес, собственность каждого из предприятий приобретала все более рассеянный характер, а власть собственников, непосредственно участвующих в управлении, ослабевала. В результате менеджеры современных корпораций частично заместили собственников в качестве центральных фигур большого бизнеса. Они образовали экономическую и социальную элиту нового общества и во многом определяют ход вещей и судьбы других людей. Вместе с тем, как считает Миллз, ситуация не столь однозначна. Власть не отделилась от собственности. Скорее, власть, обусловленная собственностью, стала носить более концентрированный и явный характер, чем само владение собственностью. Все те структурные изменения, на которых зиждется понятие “менеджериальная революция”, правильнее будет понимать: 1) как модификации в распределении операционального контроля в рамках класса собственников; 2) как общую бюрократизацию отношений собственности. В классе промышленных собственников произошли такие изменения, которые делегировали фактическое отправление власти организационным иерархиям, в силу чего предпринимательская функция подверглась бюрократизации.

Произошел сдвиг от широко распространенной “предпринимательской собственности” к сузившейся “классовой собственности”. Владение собственностью стало означать, по Миллзу, гораздо больше, чем власть над вещами. Она означает власть над людьми. Эта власть собственности осуществляет отбор тех, кто распоряжается, и тех, кто должен подчиняться.

Как и большинство социологов, анализирующих социальные трансформации, происходящие в обществах XX в., Миллз указывает на фундаментальный характер трансформаций в сфере отношений собственности и условий ее функционирования. Он указывает на тот факт, что власть института частной собственности и класса собственников опосредована и даже усиливается при помощи механизма бюрократизации власти, проистекающей из отношений собственности. Это происходит вследствие создания крупномасштабных организационных иерархий, позволяющих модифицировать и ужесточать власть собственников как класса и их контроль над обществом в целом.

Бюрократизация, и на этой базе формирование “классовой собственности”, или собственности класса и в силу этого усиление власти собственности, формирование крупномасштабных

иерархических структур, в рамках которых управление собственностью осуществляется группами профессиональных управленцев, в результате чего создается новая система власти и доминирования, — эти моменты являются главными в критике концепции менеджериального общества, осуществленной Миллзом. Эти же моменты становятся и теоретическим основанием для разработки его теории социального неравенства, в которой неравенство определяется через отношения власти и доминирования, а не через собственность.

По мнению Миллза, американское общество середины XX в. — это общество, описываемое как *корпоративный капитализм*. Социальная система этого общества — это совокупность крупномасштабных иерархических институтов и организаций, среди которых определяющими являются иерархические институты *государства, экономики и армии*. Именно они образуют орудия власти и имеют такое значение, какого эти институты никогда не имели на протяжении всей истории.

Именно эти институты являются неперенными основами власти, богатства и престижа и в то же время — орудием осуществления власти, обретения и сохранения богатства, реализации самых высоких притязаний на престиж. Власть коренится в этих институтах, только в них и только через них она может быть устойчивой и значительной. Так как каждая из трех областей сомкнулась с остальными, а последствия принимаемых в них решений имеют тенденцию стать всеобъемлющими, то руководящие деятели каждой из трех областей — военные, менеджеры корпораций, руководители государства — сплачиваются воедино, образуя *властвующую элиту*. Властвующая элита является таковой потому, что занимает высшие позиции в важнейших социальных институтах.

Опираясь на эти институты, выступая от их имени и используя современные организационные и технологические средства, современные элиты создают в обществе универсум централизованного, авторитарного манипулирования. Именно этот контекст становится средой для всех остальных массовых социальных групп — новых средних и низших классов.

Новые средние классы — классы *белых воротничков* — образуют основание и срединную часть социальной пирамиды, тех иерархических структур, которые наполняют собой современные корпорации и крупномасштабные организации. Эти классы нельзя адекватно определить исходя лишь из какого-либо одного стратификационного измерения — профессиональной квалификации, функции, класса, статуса или власти. Эти люди обычно размещаются где-то в середине каждого из этих измерений. Их положение

можно определить скорее в терминах их относительных отличий от представителей других страт, чем в каких-то абсолютных терминах.

Если рассматривать ситуацию в терминах собственности, то можно указать на их равенство с наемными рабочими и отличие от старого среднего класса. Как лишенные собственности и зависимые служащие, они не имеют каких-либо серьезных ожиданий, не обладают независимостью, обеспеченной собственностью, которой обладал старый средний класс. В терминах дохода их классовая позиция ненамного отличается от позиции наемных рабочих. Уровень доходов этих групп — “белых воротничков” и рабочих — в значительной мере совпадает, причем вполне отчетливо наблюдается тенденция к ослаблению и других различий. Вместе с тем некоторые различия все же остаются. Представляется важным тот факт, что группы “белых воротничков” обладали и в общем по-прежнему обладают бóльшим престижем.

Таковы общие характеристики новых средних классов, или классов “белых воротничков”. Однако по мнению Миллза, выявление этих характеристик мало что дает для понимания обществ середины XX в. Он считает наиболее адекватным рассмотрение и описание социального неравенства, сложившегося в обществах середины XX в., в психологических терминах. Задача социальных исследований состоит в том, чтобы описать сложившуюся ситуацию с точки зрения ее значения для внутренней жизни и карьеры индивида, описать общество как интерпретируемую индивидом социальную рамку своего функционирования. В этом плане Миллз предлагает следующее видение.

“Белые воротнички” первыми (уже после Первой мировой войны) утратили веру в устойчивость социальной системы в силу девальвации социальной роли и значения высшего образования, защищавшего ранее человека от неустойчивости внешнего мира, в силу прокатившихся в конце 1920-х — начале 1930-х гг. волн экономических кризисов, прежде всего — Великой депрессии. Страх перед безработицей, экономической депрессией, имперсональным технологическим насилием уравнил новые средние классы со всеми работающими по найму, в том числе с промышленными рабочими.

Однако у класса “белых воротничков” нет общей событийной истории (в отличие, например, от рабочего класса); у них нет каких-либо общих интересов, реализация которых требовала бы их объединения; у них нет какого-либо общего будущего, к которому бы они стремились. Их желания и надежды усреднены и иллюзорны. Внутренне класс “белых воротничков” расколот и фрагментирован, внешне — зависим от более мощных и значительных социальных сил. Как группа они не задевают никого, как индивиды — не демонстрируют независимый образ жизни, они типичные предста-

вители урбанистической массы, выражающей типичные условия жизни в обществах XX в. “Белые воротнички” приносят с собою многие из тех психологических проблем, которые характеризуют эти общества и эпоху в целом.

Представитель класса “белых воротничков” XX столетия не является независимым человеком, каковым был фермер или предприниматель XIX в. Он всегда, как это подчеркивает Миллз, *чей-то человек* — человек корпорации, правительства, армии и т.д. Уход с исторической сцены свободного предпринимателя и появление зависимого наемного работника означает уход со сцены независимого индивида и появление индивида с психологией и мышлением “маленького человека”. В мире, который определяется действием мощных и опасных сил, “белый воротничок” становится обладателем всех сомнительных достоинств “маленького человека”. Он может находиться на дне социального мира, но при этом, льстя себе, относить себя к среднему классу. Он ничего не может поделать со своими бедами и заботами. Он выглядит скорее жалко, чем трагично, борясь с жизнью и стремясь осуществить быструю карьеру. Он — игрушка в руках сил, неподвластных его контролю, заставляющих его делать то, общий смысл чего ему непонятен. Он попадает в ситуации, в которых оказывается беспомощным. “Белый воротничок” — жертва, маленький человек, он объект действий других людей, но сам он пассивен. Он незаметно работает в чужом офисе или магазине, никогда не говорит громко, никогда не возражает, никогда не занимает твердую позицию.

У “белого воротничка” нет никакой своей культуры кроме массовой культуры, в рамках которой он вырастает и функционирует, которая делает его столь манипулируемым. Ни одна группа, ни одна организация не защищает его от манипулирующего и изолирующего воздействия массового общества. Эта изолированная позиция делает “белых воротничков” легкой добычей в руках различных средств массовой информации. Их социальная среда — это контекст утраченного доверия к внешнему миру и манипулирования со стороны массовой культуры и средств массовой информации; они отчуждены от своего труда, от своей личности, от индивидуальной рациональности; они политически апатичны.

Миллз утверждает, что в обществах середины XX в. рациональность приобрела новую форму: ее носителями выступают не отдельные индивиды, а социальные институты, которые благодаря бюрократическому планированию и математически обоснованному предвидению отбирают у индивидов и свободу, и рациональность. Планирующие инстанции определяют порядок труда и стереотипизируют дозволенные инициативы. Во всем этом процессе бюрократической узурпации свободы и рациональности “белые

воротнички” образуют взаимозаменяемые части тех грандиозных механизмов власти, которые связывают общество, обеспечивая его единство. Благодаря доминированию в обществе “белого воротничка” оно предстает как новый универсум управления и манипуляции.

Созданная Миллзом картина социального неравенства, оформившегося в обществах середины XX в., стала в известной степени рубежной для теории социального неравенства. Очень существенные трансформации произошли в видении и интерпретации основного механизма, порождающего систему неравенства. Как ключевой момент этого механизма предстал организационно-административный механизм властных позиций и статусов. Собственность в силу осуществившегося процесса принятия ею корпоративной формы обрела характер бюрократического, т.е. зависящего от организационно-административного механизма, от механизма власти функционирования. Система разделения труда как профессионального труда также отошла на второй план и оказалась подчиненной той же системе властных статусов.

Господствующий класс в результате стал рассматриваться не как класс, а как властвующая или господствующая элита, а социальный универсум стал определяться тотальным универсумом средних классов или слоев и групп разобщенных индивидов, чье место в системе социального неравенства определяется индивидуальной позицией каждого в общей системе властных позиций.

Средние классы, при всей их социальной беспомощности, превратились в тотальный универсум массового общества, структурированный организационно-административным или корпоративным механизмом как система властных статусов, и в этом смысле массовое общество предстало как общество постклассовое.

В обществах, в механизмах формирования социального неравенства осуществилось движение от собственности и профессии или разделения труда как основания процесса дифференциации к “субстанциальным системам власти” и доминирования. Эти субстанциальные системы власти и доминирования, определяющие современные системы социального неравенства, представляют собой структуры организационно-корпоративных и бюрократически-государственных позиций и функций, воплощенных в соответствующих нормативно-ролевых структурах.

Социальные процессы, протекавшие в обществах первой половины XX в., трансформировали их систему социального неравенства. Они породили соответствующие социологические дискурсы и построения, привели к оформлению совершенно новых в сопоставлении с классическими взглядов на природу социального неравенства.

В аналитических категориях, описывающих социальное неравенство, произошел сдвиг от “собственности” к “власти” или к “бюрократизированной классовой собственности”, от “эксплуатации” к “доминированию”, от “господствующего класса” к “властвующей элите”, от “пролетариата” к “рабочему классу, разобщенному на отдельные группы и индивидов, предпочитающих самостоятельно конкурировать с другими” и к “новым средним классам, состоящим из разобщенных индивидов”.

Власть, позиция в системе властно-организационных отношений вышли на передний план при анализе природы социального неравенства и создании соответствующих теоретико-эмпирических построений. Под влиянием рассмотренных исторических процессов классические социологические исследовательские стратегии социального неравенства — марксизм, веберизм, структурно-функциональный анализ — претерпели существенные изменения, причем каждая из стратегий по-своему, но на одной основе и в одном направлении — в направлении помещения в центр анализа властно-организационных отношений и выстраивания на ее основе системы социального неравенства.

В США первой книгой, заново обратившейся к проблемам социальной стратификации, был вышедший в 1959 г. сборник статей “Класс, статус и власть” под редакцией Р. Бендикса и С. Липсета, затем появились и другие работы: Д. Локвуда, Р. Дарендорфа, Дж. Голдторпа и других современных “левых веберизанцев”. Марксистскую традицию представляли такие авторы, как Г. Брейверман, Э. Райт в США, Э. Томпсон, М. Добб, Х. Хил, Т. Боттомор в Великобритании.

Общей стартовой основой теоретико-эмпирических построений социального неравенства в социологии структурно-функционалистской ориентации второй половины XX в. является наличная, существующая в данный исторический момент в обществе структура занятости. Задача состоит в том, чтобы структурировать наличные профессии и рабочие места в соответствующую структуру классовых позиций.

Двумя классическими примерами неовеберизанского и неомарксистского вариантов теоретико-эмпирических построений социального неравенства в современной социологии можно считать, соответственно, теории Дж. Голдторпа и Э. Райта.

Теория Дж. Голдторпа получила широкое распространение в социологии последних трех десятилетий XX в. как “схема Голдторпа”, “Эриксона–Голдторпа” или “Эриксона–Голдторпа–Портокареро”.

Голдторпом была разработана типология социального неравенства, состоящая из семи профессиональных групп, объединенных

в три социальных класса: 1) сервисный, 2) средний и 3) рабочий. Профессиональные группы и классы вычленяются в зависимости, во-первых, от рыночной ситуации: источников и уровня дохода, степени экономической безопасности и шансов на экономический успех; во-вторых, — от места в системе власти и контроля в рамках трудового процесса, в который вовлечены конкретные люди, и соответственно от степени их автономии в этом процессе (схему Голдторпа см. в табл. 1)⁸.

Таблица 1

Классы	Профессиональные группы
1. Сервисный	1. Высокие профессионалы, администраторы и крупные чиновники; менеджеры в больших промышленных компаниях, крупные собственники
	2. Менее высокие профессионалы, администраторы и чиновники; высокие технические специалисты; менеджеры малого бизнеса и индустриальных предприятий; руководители коллективов, занятых нефизическим трудом
2. Средний	3. Рутинные (преимущественно клерковые) рабочие места в администрировании и торговле; “рядовой и сержантский” состав в сервисном секторе
	4. Мелкие собственники и группа, сама создающая свою занятость
	5. Технические специалисты “более низкой” квалификации, руководители коллективов, занятых физическим трудом.
3. Рабочий	6. Квалифицированные рабочие
	7. Рабочие средней квалификации и неквалифицированные рабочие

Голдторп подчеркивает при этом, что его “схема не имеет иерархической формы, скорее она отражает структуру классовых отношений”. Для Голдторпа данная схема — это не конец, а начало анализа. Любой классовый анализ должен далее ответить на вопросы о том, в какой степени любой из выделенных классов обладает “демографической идентичностью”, т.е. существуют ли классы как “специфические социальные коллективы, которые могут быть идентифицированы через степень постоянства, с которой, учитывая образцы классовой мобильности или немобильности,

⁸ Схема Дж. Голдторпа приводится по: *Crompton R. Class and stratification. Oxford, 1995. P. 67.*

члены этих классов воспроизводят свои позиции в течение времени”? При этом образцы классовой мобильности имеют самое существенное значение.

Второй теоретической схемой, претендующей так же, как и схема Голдторпа, на вскрытие отношений между классами, является схема Э. Райта, который уже с 1970-х гг. считает себя марксистом и предпринимает попытки разработать марксистскую схему для современных условий.

Райт фактически является главой марксистской школы в сфере стратификационных исследований. Свою исследовательскую цель Райт определил как “создание теории, способной в нюансах ухватить конкретные изменения в классовых структурах капиталистических обществ”. Так же, как и Голдторп, Райт считает, что классовая схема не является иерархическим образованием или градационной схемой, выстроенной в соответствии с представлением о престиже той или иной социальной группы. В этом смысле статусные иерархии и классовая схема несопоставимы.

В своей схеме Райт проводит жесткое разделение между классом и рабочим местом. Рабочие места он рассматривает как позиции, определяемые внутри технических отношений в рамках производства. Классы же он определяет как социальные отношения в рамках производства. Он утверждает, что структура занятости и профессиональные объединения не могут продуцировать классы. Теоретически формирование класса у Райта связано с процедурой разработки способов, посредством которых классовые отношения воплощаются в специфические рабочие места, так как рабочие места являются существующими “пустыми местами”, заполняемыми индивидами в рамках систем производства. Эти “пустые места” определяются на основе критериев контроля и эксплуатации.

Райт выделяет и анализирует четыре типа принуждения, реинтерпретируя каждый как тип эксплуатации: прямое силовое принуждение — феодальная эксплуатация; денежное принуждение — капиталистическая эксплуатация; организационное принуждение — государственная эксплуатация; доверительное принуждение — социалистическая эксплуатация; а также контроль, осуществляемый на основе того или иного типа неравного владения капиталом.

Райт подчеркивает, что ни одно из действительно существующих обществ не содержит только одну форму эксплуатации. Поэтому чисто эмпирически одни классы могут эксплуатировать другие через один тип принуждения и быть эксплуатируемыми через другой. На основе этого теоретического соображения он строит “классовую карту” современного капиталистического общества,

отражающую отношения эксплуатации, а не доминирования (табл. 2)⁹.

Таблица 2

		Отношение к средствам производства						
		Владельцы средств производства	Нанимаемые					
Количество занятых	Много	Буржуазия	Эксперты-менеджеры	Квалифицированные менеджеры	Менеджеры	Менеджеры	Отношения авторитета	
	Мало	Мелкие наниматели	Эксперты контролеры	Квалифицированные контролеры	Неквалифицированные контролеры	Контролеры		
	Никого	Мелкая буржуазия	Эксперты	Квалифицированные рабочие	Неквалифицированные рабочие	Неуправляющие		
			+Эксперты	0 Квалифицированные	– Неквалифицированные			

Схема выстраивается из 12 социальных групп, совмещая чисто механически три разнородные группы, обладающие капиталом людей, которые выстраиваются в зависимости от критериев собственной занятости: “не должны работать”, “должны работать”, “должны работать на себя, не нанимая других”, и девять групп не-владельцев, выстроенных на основе объема функций принуждения (власти), обладающих группой: от экспертов менеджеров до неквалифицированных рабочих.

Следует специальным образом подчеркнуть, что уверенность Райта в том, что возможно разделить отношения эксплуатации и доминирования, вызывает не просто сомнение, но удивление в перспективе тех социологических исследований, в которых была выявлена тотальная вовлеченность и “ухваченность” индивида организационными структурами и отношениями, отношениями управления, в которых отделить экономическую компоненту от властной невозможно, что и нашло отражение в понятии “доминирование” как целостного отношения зависимости и подчинения.

Райт отказался от того, чтобы рассматривать систему занятости в качестве основания для последующего структурирования налич-

⁹ Wright E. Class counts. Cambridge, 1997. Fig. 1.3.

ных профессий и рабочих мест в соответствующую структуру классовых позиций, провел четкое разделение между классом и рабочим местом, перенес теоретический упор с отношений собственности на отношения эксплуатации. Однако все это не избавило его от того, чтобы в качестве структурной основы эксплуатации рассматривались организационно-управленческие отношения. В результате конечные схемы и классовые карты Дж. Голдторпа, опирающегося на веберовский методологический подход, и Э. Райта, заявляющего себя марксистом, практически неотличимы.

Рассмотрение этих двух наиболее разработанных теоретико-эмпирических схем классового анализа позволяет утверждать неадекватность методологических подходов, разработанных в рамках классической социологии, для исследования проблем социального неравенства в современных обществах. Изучение современных систем социального неравенства должно быть переформатировано и для этого должны быть разработаны другие методологические подходы. И действительно такие подходы начали оформляться уже в 70-е гг. XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Weber M. Класс, статус и партия // Социальная стратификация. Вып. 1. М., 1992. С. 19–38 (*Weber M.* Klass, status i partija // Social'naja stratifikacija. Вып. 1. М., 1992. С. 19–38).

Миллз Ч.Р. Властвующая элита. М., 1959 (*Millz Ch.R.* Vlastvujshhaja jelita. М., 1959).

Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // Социальная стратификация. Вып. 1. М., 1992. С. 114–137 (*Parsons T.* Analiticheskiy podhod k teorii social'noj stratifikacii // Social'naja stratifikacija. Вып. 1. М., 1992. С. 114–137).

Berle A. Power without property. L., 1960.

Burnham J. Managerial revolution. L., 1948.

Crompton R. Class and stratification. An introduction to current debates. Cambridge, 2002.

Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford, 1959.

Dahrendorf R. Life chances. Approaches to social and political theory. Chicago, 1979.

Goldthorpe J. Social mobility and class structure in modern Britain. Oxford, 1980.

Gorz A. Métamorphoses du travail: Quête du sens: Critique de la raison économique. P., 1988.

Marshall T.H. Citizenship and social class and other essays. Cambridge, 1950.

Milles C.W. White collar. N.Y., 1951.

Offe C. Disorganized capitalism: contemporary transformation of work and politics. Cambridge; L., 1985.

Wright E. Class counts. Cambridge, 1997.